

Современная церковная лексика: проблема нормативного произношения и ее социальные последствия

Работа о современной церковной лексике выполнена с позиций социологии языка. Автор рассматривает основные тренды изменений, связанных с функционированием церковной лексики в публичном пространстве. Проблема функционирования церковной лексики рассматривается как проблема выработки нормативного образца произношения в виду утраты к концу XX века произносительной традиции. Автор указывает на сосуществование в современном российском обществе двух конкурирующих вариантов произношения: светского и клерикального. В статье рассматриваются социальные

последствия нарастания вариативности нормативного произношения церковной лексики и указываются возможные варианты развития данной ситуации.

Ключевые слова: тренды изменения современной церковной лексики, актуализация лексических ресурсов, спонтанная форма речи, светский и клерикальный варианты произношения, социолект, религиолект, стигматизация.

Марина Подольская*
новостной редактор
радиостанции "Град Петров"

Данная работа написана на основе осмысления опыта работы новостным редактором на радио "Град Петров" — официальной радиостанции Санкт-Петербургской митрополии Русской Православной Церкви. По ходу работы в прямом эфире автор столкнулся с проблематичностью и неочевидностью нормы ударения при использовании церковной лексики. Эта неочевидность и проблематичность вариативности произношения церковной лексики проявляется как в общении с представителями светских СМИ, так и внутри круга воцерковленных.

Сразу хотим обратить внимание читателей на принципиально значимый социальный аспект этой проблемы. Проблема постановки ударений в церковных словах не является узко профессиональной или лингвистической проблемой, так как различные произносительные варианты церковной лексики четко маркируют на "своих" и "чужих" по отношению к Церкви. Такая маркировка может обернуться, и зачастую оборачивается, стигматизацией неопита — человека, только пришедшего в Церковь. Для вновь воцерковленного человека эта лексика или нова, или привычна в совсем ином контексте; в том контексте, где эти слова (патриархия, догмат, иконопись, знамение, митрополия) произносятся иначе. Ниже будет представлен разбор контекста и языковых тенденций, связанных с использованием церковной лексики в публичном пространстве СМИ.

Разговор о своеобразии использования современной церковной лексики (далее — ЦЛ) возможно начать через указание на ряд трендов¹, заданных историей существования Русской Православной Церкви в XX веке. Автор считает возможным указать на три основных тренда изменений, повлиявших на существование в современном русском языке пласта ЦЛ. Эти изменения касаются как места ЦЛ в общезыковом массиве, так и всех уровней массива самой ЦЛ: фонетического, словообразовательного, орфографического и даже графического уровней.

Первый тренд изменений ЦЛ, обусловлен гонениями на Церковь в XX веке. Речь идет о том, что массив ЦЛ в современном русском языке в течении XX века несколько изменял свое местоположение. Так, на рубеже XIX — XX веков, ЦЛ была частью повседневной речи русского человека, а затем, вместе с эпохой гонений на Церковь, произошел процесс удаления ЦЛ из общезыкового лексического ресурса на периферию языка, на периферию языкового сознания и периферию культуры. Удаление целого пласта ЦЛ — это результат внешнего искусственного воздействия. За годы советской власти массив ЦЛ был не только отодвинут на языковую периферию, а иногда прак-

тически вытеснен из языкового сознания. В тоже время, часть ЦЛ подверглись своего рода секуляризации, то есть эта лексика подверглись разного рода семантическим трансформациям, когда весь объем значений сузился к одному смысловому варианту [З.С.68]. Указанная семантическая трансформация, привела к тому, что часть ЦЛ перешла в разряд клишированных беллетризов. Таким образом, появились в языке: храм науки, алтарь победы, апостолы мировой революции, и т.д. Примеры использования церковной лексики в ее искаженном, клишированном и переносном значении: "ТАССовское благословение останкинского митинга, покровительственное отношение к погромщикам в ЦДЛ... сделали очевидной ту сложную, двойную игру, которую власти ведут с разными видами национал-экстремизма" ("Гражданское достоинство", 16.02.90); "Нет-нет да услышишь ныне о том, что "партия должна покаяться"" ("Правда", 28.05.90); "Можно говорить о *втором пришествии* правых в политику" (НТВ, "Итоги", 19.12.99); "Политическая исповедь по телефону" ("Гудок", 11.11.99); "Именно поэтому можно считать ТВ не разновидностью наркомании, а некоей квазирелигией. Как во всякой религии здесь есть не только своя *паства*, но и свои *жрецы*. И если *телепаства* большей частью даже не осознает, зачем и почему принимает к "ящику" <...>, то *тележрецы* и *телепроповедники* понимают свои функции, напротив, очень хорошо. Именно они восприняли и преподнесли пожар на Останкинской телебашне как некую вселенскую катастрофу, едва ли не сходную по значимости с разрушением *ветхозаветного храма Соломона*" ("Завтра", 2000, № 36, с. 3) [4].

С начала 90-х годов XX века, вслед за изменениями реалий жизни Церкви в нашей стране, когда Церковь стала выходить с периферии общественной жизни, начал происходить процесс включения ЦЛ в общезыковой массив. Филологи называют это явление — **актуализация лексических ресурсов**, то есть процесс перехода лексических групп из периферии языка или из его пассивного фонда в активный лексический фонд. Таким образом, мы можем указать на тот факт, что ЦЛ в общезыковом массиве в течении XX столетия несколько раз меняла свое местонахождение:

- к началу XX века и до эпохи церковных гонений ЦЛ являлась частью общезыкового массива русского языка;
- с 1920-х годов и вплоть до начала 1990-х годов XX века ЦЛ находилась на периферии языка;
- с начала 90-х гг. и до сего дня ЦЛ входит в повседневную языковую практику (с разной интенсивностью для различных социальных групп).

Говоря о современном этапе бытования ЦЛ в русском язы-

* Статья подготовлена к печати при участии доцента Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы В.Е.Семенкова.

¹ Тренд (от англ. Trend — тенденция) — долговременная тенденция изменения исследуемого временного ряда.

ке, мы должны осознавать, что актуализация ЦЛ, а отличие от актуализации любых архаизмов и историзмов отличается тем, что они уходили из языка гнездами, по мере изменения социальной реальности, ухода из повседневного обихода соответствующих понятий, явлений, предметов. Так, изменение в XX веке социальных реалий политической культуры вывело из употребления ряд слов: комбед, нарком, политинформация, политучеба, соцсоревнование, соцобязательства, комсорг, партячейка, и т.д. Изменение бытовых реалий вывело из употребления: керогаз, спиртовка, жировка, выварка, квартирномуночный, и т.д.

Церковная же лексика и уходила из языка, и включалась в общеязыковой массив не гнездами, а целыми пластами. По мере усиления гонений на Церковь из активного языкового массива исчезали все слова, связанные с предметно-понятийным полем Церкви.

Второй тренд изменений ЦЛ, обусловлен секуляризацией культуры, т.е., изменением места ЦЛ в русском языке в связи с общими процессами секуляризации культуры. Когда мы говорим об этом тренде изменений ЦЛ, мы говорим о месте ЦЛ в русском литературном языке в рамках процессов секуляризации культуры, а не о месте церковно-славянского языка в светской культуре (при всем том, что параллели и возможны, и уместны). В социологии под секуляризацией культуры понимают, в самом общем виде, процесс автономизации общественных, государственных и культурных структур и институтов от власти Церкви как социального института.

В рамках процесса секуляризации религиозная система мышления теряет свою значимость, а это означает, что автономизирующиеся области культуры вынуждены вырабатывать новый, светский язык культуры, отличный от прежнего, синкретического языка. Процесс секуляризации привел к разделению единой синкретической русской культуры на светскую культуру, которая укоренилась в центре культурного поля, и на религиозную культуру, которая все больше уходила на периферию. Таким образом, и церковная лексика вместе со всей религиозной культурой очень постепенно сдвигалась на периферию поля национальной культуры.

Третий тренд изменений ЦЛ, обусловлен общеязыковыми изменениями, т.е., изменения места церковной лексики в русском языке связаны с общеязыковыми изменениями. Сетования на языковые изменения конца XX столетия стали уже общим местом в риторике не только филологов, но и в речи каждого образованного человека. И действительно, практически невозможно не заметить языковые изменения, а их динамика такова, что никого не оставляет равнодушным. Эти явления, выделенные и описанные лингвистами, для социолога означают, следующее: на рубеже XX — XXI веков, произошли некие языковые изменения, имеющие мало отношения к собственно его языковой сущности.

Начиная с 90-х годов XX века, произошли громадные изменения в практиках функционирования речевого поведения. Образовалось огромное поле функционирования так называемой спонтанной формы речи. Тут стоит пояснить, что долгое время лингвисты полагали, что языковая система существует только в двух "вариантах-измерениях": письменная форма речи и устная форма речи. Причем, под устной формой речи понимали в основном своего рода "застывшие", предварительно заученные формы речи: театральная речь, речь дикторов, речь лекторов, и т.д. К началу 60-х годов XX века лингвисты зафиксировали, то есть выделили существование особой формы устной речи, для которой был введен специальный термин — спонтанная форма речи. Возникновения спонтанной формы речи обусловлено социальными причинами: изменением характера общения, столь явно проявившиеся к 60-м годам XX века. Указанные изменения характера общения проявились:

- *в увеличении темпа речи*, т.е. за единицу времени передается больше информации;

- *в изменении бытования устной формы речи* — появляются новые, ранее не существовавшие ниши бытования устной речи, в которых активизируются самые разные типы, как публичного (митинги, поэтические вечера, диспуты, спичи, тосты, и т.д.), так и личного общения (телефонное общение, исповедь, интервью, беседа с психоаналитиком и т.д.).

Произошедшие социальные изменения демократизации публичной жизни в 1990-е годы XX века привели к демократизации языка и, как уже указывалось, к образованию огромного поля функционирования спонтанной формы речи. Произошло расширение круга публично выступающих, появились новые арены публичных выступлений, неизмеримо расширился набор тем, возможных для публичного обсуждения, среди них и темы, ранее табуированные (коррупция, наркомания, секс, социальные и медицинские патологии, и т.д.). А резкое расширение тем и круга выступающих, ломало запреты, изменяло конфигурацию допустимого публичного поведения, и, конечно же, меняло речевое поведение: "...свобода слова, понятая буквально и по отношению к манере выражаться, сломала все социально-этические запреты и каноны" [2, с.4]. Появились ранее не существовавшие области функционирования публичной спонтанной речи: парламент, ток-шоу, огромное количество FM-радиостанций, что обусловило востребованность дикторов, так называемых "говорящих" ведущих.

Таким образом, мы отмечаем, что к рубежу XX — XXI веков изменилось само речевое поведение: изменился характер общения, появились ранее не существовавшие типы общения и места общения, в целом язык СМИ стал более естественным, уйдя от застывшего официального стиля. Все эти указанные языковые и социальные изменения в полной мере касаются и церковной лексики, как части общелексического языкового фонда.

Проблема функционирования церковной лексики как проблема вырабатывания нормативного образца произношения. Церковная лексика существовала в течение практически всего XX века на периферии социального пространства и на периферии языка. Живых носителей произносительной нормы ЦЛ было с одной стороны мало, а с другой, эти носители произносительной нормы ЦЛ отсутствовали в публичной жизни (это принципиально важно в данном разговоре). Жизнь Русской православной церкви в течение практически всего XX века проходила на социальной периферии, и в некоторые периоды — в подполье. ЦЛ использовалась только священнослужителями, незначительным кругом воцерковленных, и очень узким кругом научных исследователей: историков, филологов, искусствоведов. Церковная лексика, как и вся жизнь Церкви, была terra incognita даже для искусствоведов-реставраторов, профессионально связанных с предметным миром православия.

В публичном пространстве отсутствовали священнослужители, в публичном пространстве отсутствовала религиозная тематика, а значит, в публичном пространстве церковная лексика не использовалась. При этом надо оговорить, что ЦЛ использовалась в научном дискурсе искусствоведов и филологов, потому что их предметное поле пусть и в редуцированных объемах, но, все же, предполагало актуализацию этой лексики.

Это приводило к тому, что для подавляющего большинства носителей русского языка церковная лексика в XX веке существовала исключительно в ее книжном, письменном варианте, поэтому, к концу XX века в массе своей, произносительная традиция ЦЛ была утеряна.

Когда мы говорим о произносительной норме, мы имеем в виду, прежде всего норму ударения, не рассматривая в этой работе другие элементы орфоэпии (системы нормативного произношения). Проблема ударений значительно обострилась в связи с возрастающей ролью публичной речи. Ведь с начала 1990-х годов образовалось огромное поле функционирования спонтанной публичной формы речи. В публичном простран-

ве мы слышим политиков, радио— и тележурналистов. Демократизация общества неимоверно расширила круг публично выступающих — в парламенте, прессе, на митингах, и в других сферах массового общения. Недостаточное владение нормами языка, со своей стороны, породило массу постоянно умножающихся ошибочных ударений.

Тут стоит отметить, что языковая норма — есть результат практики речевого общения. Речевая норма отрабатывается, складывается в практике, затем она закрепляется в употреблении как узус. Затем происходит фиксация нормы, базирующейся на узусе; то есть, происходит процесс "узаконивания" нормы в словарях, сводах правил, в учебниках. Необходимо отметить, что речевая произносительная норма исторически подвижна, и в тоже время речевая норма устойчива, традиционна и несколько консервативна. Исследователи отмечают, что норма предельно осторожно открывает свои границы для инноваций: "Нормой признается то, что было, отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет" [2, с.41].

Становление нормативного произношения происходит в результате выбора одного варианта из нескольких. Исследователи отмечают, что вариативность произносительных вариантов является залогом постоянного развития языка. При этом смена произносительной нормы другой нормой всегда проходит через этап, когда сосуществуют новая и старая нормы². Произносительные нормы, как и любые языковые нормы — являются результатом выбора одного из многих произносительных вариантов³. Для нашего разговора важен тот факт, что произносительные варианты формируются под влиянием разговорной публичной речи. А мы уже говорили, что к началу XX века исследователи отмечают лавинообразное, шквальное возрастание вариантных форм и моделей.

Итак, ЦЛ вплоть до конца 90-х гг. XX века никак не присутствовала в разговорной публичной речи. Связано это, конечно, с тем, что Церковь в публичной жизни нашего общества вплоть до 90-х гг. отсутствовала (или присутствовала очень дозированно). По мере того, как Церковь становилась "видимой", по мере того как Церковь обрела голос, тогда и стала актуализироваться в публичном пространстве ЦЛ. С конца 90-х годов, после того, как Церковь прорвала информационную блокаду, в новостных репортажах появляются сюжеты о строительстве и освящении храмов, о возрождении приходов, интервью с Патриархом и рядовыми священнослужителями. В этих новостных сюжетах появляется церковная лексика: "...В храме служатся *панихиды*, проводятся *крещения* и *венчания*. Но для проведения богослужений в полном объеме необходимо восстановить иконостас, провести свет и отопление, восстановить роспись и внутреннее убранство *храма*... Ко всем, кому близки и понятны исторические и духовные ценности России, настоятель храма священник Петр Григорьев и его *прихожане* обращаются с просьбой оказать посильную материальную и *молитвенную помощь* в возрождении *храма*" ("Народная газета", 25.12.99.) [4]. Актуализация церковной лексики привела и к актуализации библеизмов в языке СМИ: "Но кровавые гонения на католиков, санкционированные из *логова Мамоны*, не взволновали "непогрешимого" папу" ("Наш современник", 1993, № 6, с. 96); "*Ничтоже сумняшеся* Зюганов называет договор ударом по обороноспособности России" (Радио России, 04.05.2000); "Очки давно уже перестали быть *притчей во языцех* как атрибут исключительно интеллигента" ("Домовой", 1993, № 3, с. 46) [4].

В 90-е годы появляются первые статьи, в которых авторы сетуют на массовую безграмотность дикторов, ведущих, и редакторов: "из эфира практически исчезла высокая лексика, а возвращение религиозно-церковной лексики сопровождается множеством ошибок (знамЕние, благослоВление, икОнопись, вероисповедАние, и т.д.)" [2, с.4]. Указанные ошибки, как раз свидетельствуют о том, что публично-говорящим персонам: дикторам, радио— и телеведущим, журналистам, политологам, и т.д., церковная лексика не знакома, во всяком случае, не знакома в ее произносительном, а не книжном варианте. Публично говорящим светским людям, если они не воцерковлены, нелегко освоить произносительную норму церковной лексики, так как они никогда не слышали ее устно, не знают, как надо ее произносить.

Образец произносительной нормы не является неким однажды принятым догматом, а есть результат не только рефлексии (чаще неосознанной), но и консенсуса. То есть выбор произносительной нормы является результатом осознанного выбора того произносительного варианта, который считается более престижным⁴. Выбор произносительного варианта всегда происходит через ориентацию на образцового языкового носителя. Заместитель директора Института русского языка, заведующий отделом современного русского языка РАН Леонид Крысин, рассказывая об образцовых носителях литературного языка, указал, что таковым до войны был известный лексикограф, автор 4-х томного толкового словаря русского языка Дмитрий Николаевич Ушаков. Позже таким образцовым языковым носителем стал академик-русист Д.С.Лихачев. Конечно, образцового языкового носителя не назначают, ибо это невозможно, но на него ориентируются, к нему апеллируют и на него ссылаются при кодификации (фиксация языковой нормы). Образцовый языковой носитель выявляется интуитивно, но всегда это фигура уважаемого, бесспорного носителя культурной традиции. Какими являлись и Д.Н. Ушаков, и Д.С.Лихачев⁵.

Тут стоит подчеркнуть, что понятие произносительной нормы — многоаспектное, и основными параметрами, конструирующими норму произношения, являются: языковая традиция и образцовый языковой носитель. В ситуации с употреблением церковной лексики, следует напомнить, что носителей произносительной традиции ЦЛ практически очень мало, они редки, а образцовый языковой носитель в такой ситуации "выбирается", "назначается". Поэтому норму невозможно сформулировать, и ее определяют на авторитетного языкового носителя. (Автор статьи не раз был свидетелем ситуации, когда последним аргументом при выборе произносительного варианта была апелляция к речи Патриарха, правящего архиерея или к той фигуре, которая на радиостанции признается носителем церковной традиции.)

Процесс "вброса" ЦЛ в нашу повседневность не сопровождался публичной дискуссией. ЦЛ существует в рамках "узусного" бытования норм, ориентированных на ту или иную эпоху. С 1990-х гг., т.е. с тех пор как Церковь появилась в публичном пространстве России появились и сосуществуют два узуса, два произносительных варианта:

- светский (появился первым, ибо изначально существовали только светские СМИ),
- церковный (в публичном пространстве появился позже).

Тут следует уточнить, что так называемый светский произ-

² Пример: пионер — пион[э]р, беж — б[э]ж, кофе — коф[э], крем — кр[э]м. Кстати, это примеры социально обусловленных норм, в различные периоды XX века: 1) активное существование пион[э]р, б[э]ж, коф[э], кр[э]м в довоенный период; 2) сосуществование [е]/[э] в указанных словах; 3) переход к общелитературному произношению: пионер, беж, кофе, крем. А произношение: пион[э]р и б[э]ж — стали характерны для речи старшего поколения, как и коф[э] и кр[э]м — были характерны для ленинградской нормы речи (которая постепенно уходит из языка).

³ For ex: современная форма прилагательного английский, еще в XVII—XVIII вв. была многовариантной: английский, англиский, англицкий, англицкий и др. — но постепенно, к середине 19 века победил существующий произносительный вариант.

⁴ For ex: пока внятна престижность произношения, до тех пор этот вариант существует. К примеру: б[э]ж, коф[э], кр[э]м. К концу XX века эта произносительная оппозиция (б[э]ж, коф[э], кр[э]м — б[е]ж, коф[е], кр[е]м) уже не актуальна, не престижна, и соответственно, не воспроизводится.

⁵ В отделе фонетики Института русского языка РАН хранят записи — фонограммы образцовых носителей литературного языка. Лингвисты признают того или иного человека образцовым языковым носителем, считая что он в совершенстве владеет литературным языком. См.: <http://radio.vesti.ru/fm/doc.html?id=390452>.

носительный вариант является результатом языковой пробы, то есть своего рода апробирования звучания незнакомой или смутно знакомой ЦЛ в публичном пространстве. Можно говорить о смутном знакомстве с ЦЛ, ибо ЦЛ все же присутствовала на периферии языка в книжном варианте.

Ситуация публичного выступления ставит перед любым говорящим проблему произношения. Даже хорошо знакомая лексика подчас неправильно употребляется носителями языка при изменении по падежам, числам, и т.д. Если же лексика незнакомая, или вернее, знакомая только в ее пассивном, книжном варианте, то встает вопрос произношения. Для неопытного в Церкви, а таковых большинство, все равно как употребить то или иное слово. Человек употребляет новое, незнакомое слово так, как его научили, а учат его или носители церковной традиции произношения ЦЛ, или же человек воспроизводит светский произносительный вариант, транслируемый всеми светскими СМИ.

Ситуация воспроизводства светской произносительной традиции ЦЛ чревата воспроизведением ошибок, возникающих вследствие религиозной некомпетентности, вследствие незнания ЦЛ. Таких примеров много и исправляются они путем обращения к словарям.

Словарная норма	Неправильное употребление
ЗнАмение	ЗнамЕние
Иконопись	икОнопнень
вероисповЕдание	веренеповедАние
благословение	благослоВление
апОкриф	апокрИф
мироточИть	мирОтечить
мирЯнин	мирянИн

Вместе с тем, есть немногочисленные случаи, когда в языке параллельно сосуществуют два варианта произношения: **светский** и **клерикальный**. Причем, светский вариант, как правило, зафиксирован словарями, а церковный вариант, вплоть до последнего десятилетия, когда появились словари церковной лексики, существовал только в устной традиции. Во многих случаях, даже до сегодняшнего дня эти слова не включены в словари.

Современные исследователи языка православных верующих указывают на существование религиозного православно-го **социолекта**, под которым понимают "...устойчивую, социально маркированную подсистему национального языка, обслуживающего речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующуюся лексическими, фонетическими, словообразовательными и грамматическими особенностями" [1, с.33].

К примеру, существует сутубо устная традиция произношения имен священнослужителей на церковнославянский манер. В каком словаре можно посмотреть, что надо говорить АлексИй, Климент, и т.д.? Ведь все светские СМИ говорили: "Патриарх Московский и Всея Руси АлЕксий П", хотя надо АлексИй (по произносительной норме церковно-славянского языка). Это одна из самых ярких антиномий светского и клерикального дискурсов. Тут чрезвычайно интересен следующий пример: 25 января 2009 г., на радио "Эхо Москвы" в передаче "Говорим по-русски" ведущие обсуждали события недели, и, конечно же, обсуждали кандидатуры на московский патриарший престол. Перечислили: митрополит Смоленский Калининградский Кирилл, митрополит Боровский и Калужский Климент, и митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Позвонивший слушатель поправил ведущих, сообщив им, что правильно: митрополит Боровский и Калужский Климент. В ответ на это ведущая передачи разразилась тирадой о том, что если митрополита Кли-

мента выберут патриархом, то только тогда мы будем называть его Климентом.

Как понимать этот пассаж? Как: а) признание существования церковной, клерикальной традиции; б) как попытку отстоять привычную светскую произносительную норму.

Климент — произносительная светская норма, зафиксированная во всех словарях.

Климент — произносительная церковнославянская норма. Заметим, что для человека светского, никак не связанного с Церковью, с церковной традицией, существование этой церковной традиции — полная неожиданность, тем более, что с ней необходимо считаться.

Следующий пример антиномии светского и клерикального дискурсов, это произношение: патриАрхия (норма светских словарей) — патриарХия (норма церковной среды). Пример произношения патриарХия — это пример адаптации ударения. Дело в том, что само слово патриархия появилось только в XX веке. До этого (применительно к периоду с 1589 г. и до 1721 г.) использовалось понятие Московский Патриархат. Институт патриаршества был восстановлен в 1917/18 гг., однако по понятным политическим причинам Московский Патриархат не выступал субъектом международного права. Когда в 1943 году Сталин решил создать церковную структуру РПЦ, которая бы могла выступать как субъект международного права, то и появилась конструкция — Московская ПатриАрхия, сконструированная по произносительным нормам середины XX века. К концу XX века слово изменилось в его произносительной практике, и в церковном дискурсе произносят — патриарХия. В светском же дискурсе это слово практически не использовалось, а в церковной среде, естественно использовалось. Произносительная норма в церковной среде трансформировалась по законам изменений русского языка: из ПатриАрхии — в ПатриарХию.

И.В.Бугаева в монографии "Язык православных верующих в конце XX — начале XXI века" приводит следующие примеры нарушения акцентологической нормы [1, с.82]:

литературная (светская) норма	церковная устная произносительная традиция
избавИтель	избАвитель
помАзать	помазАть
припадАя (припадАть)	припАдая (припАдать)
трАпеза	трапЕза

Приведенные примеры нарушения современного нормативного литературного ударения связаны с тем, что в этих словах, относящихся к ЦЛ, традиция сохранила церковнославянское ударение. Как указывает И.В.Бугаева, "Церковнославянское ударение встречается в русской речи в терминологической лексике, в устойчивых словосочетаниях и фразеологических оборотах и часто оказывается стилистическим маркером" [1, с.86].

Церковная лексика в основном состоит из калькированных древнегреческих слов и церковно-славянских слов. Возвращаясь в современный русский язык, в этих словах ставятся ударения, характерные в материнских языках. Например: Апостасия — вероотступничество (явление). Ударение сконструировано по греческому образцу: греч. *Αποστασία* — отступничество.

В современных словарях этого слова нет. А вот у В.Даля иное ударение: апост҃сия. В словаре Дьяченко это слово отсутствует. Мы видим, что в первой половине XIX века ударение в этом слове было на третий слог, а сейчас — на последний, как в греческом.

Представляется, что приведенные примеры свидетельствуют с одной стороны, о социальной маркировке дискурсивных практик употребления ЦЛ, когда не знакомый с ЦЛ человек, то есть не воцерковленный, мгновенно проявляет себя, свою не-

принадлежность к социальной группе верующих⁶.

С другой стороны, приведенные примеры свидетельствуют и о демократизации норм языка, происходит нарастание произносительных вариантов в современном русском языке. Причем демократизацию произносительных норм носители языка не видят, не фиксируют и не рефлексируют, ибо носители находятся внутри языковой стихии.

Социальные последствия нарастания вариативности нормативного произношения ЦЛ. Отсутствие публичной дискуссии и рефлексии демократизации норм языка приводит к практикам социального маркирования, разделения на своих и чужих, т.е. к разделению на тех, кто внутри социальной группы, активно использующей церковную лексику, и тех — кто вне ее.

Такая ситуация сильно сказывается на вновь воцерковляемых: попытка освоить пласт церковной лексики без курса катехизации, то есть (в данном случае) без прослушивания и проговаривания новой для человека лексики — обречена, потому что выдаст чужака. Светская произносительная традиция выдает социального чужака, того, кто не усвоил церковную произносительную норму. Эта ситуация хорошо описана в автобиографической повести Л.Пантелеева "Верую!"⁷, когда сам Алексей Еремеев выставил за дверь незнакомку, заподозрив в ней шпионку КГБ, поскольку она произнесла имя Патриарха Алексия I (Симанского) на светский манер: "АлЕксий", а не "АлекСИЙ". Для А.И. Еремеева, как церковного человека, такая произносительная ошибка однозначно маркировала чужака. Сам А.И. Еремеев (Л.Пантелеев) осмысляя эту ситуацию, писал: "... люди безрелигиозные, неверующие, не бывающие в церкви, никогда не слышавшие, а только видевшие имя патриарха, напечатанным в каком-нибудь газетном сообщении ("Среди присутствующих находился Патриарх Московский и Всея Руси Алексий"), эти люди, даже интеллигентные, чаще всего говорят "Алексий". Помню, как уже в семидесятые годы, целый месяц отравляли мне жизнь дикторы радиостанции "Свобода", читавшие письмо двух молодых московских священников к патриарху Алексию. Все эти радиочтецы — и мужчина и женщина — произносили Алексий с ударением на втором слоге, не ведая о том, как больно слышать их православным верующим, как оскорбляет наш слух это дурацкое ударение. Тот, кто бывает в церкви, слушает и мысленно повторяет великую ектению, не может не знать правильного звучания имени покойного патриарха".

Получается, что носители традиции неосознанно не заинтересованы в рефлексии трансформации произносительных норм, ибо существующая языковая ситуация — четко маркирует чужаков, и, естественным образом стигматизирует их. Не случайно игумен Петр Мещеринов, говоря о проблемах возведения церкви, с горечью отмечает, что на сегодняшний день "... нарушение принятой на сегодня церковной субкультурой лексики воспринимается как прямое покушение на устои Православия"⁷. Поэтому конечно, мы говорим о "незаинтересованности" в кавычках, ибо на сегодняшний день у РПЦ — огромное количество требующих решения вопросов, и до проблем нормативного произношения пока "руки не дошли". Однако, ситуация стала понемногу меняться с развитием церковной теле- и радиожурналистики и с развитием исторических, культурологических, социологических научных исследований, посвященных церковной проблематике. Иначе говоря, ситуация стала меняться тогда, когда появились рефлексирующие

носители-произносители церковной лексики в публичном пространстве.

Таким образом, мы с Вами являемся свидетелями интересного этапа существования ЦЛ, когда сосуществуют два дискурса со своими произносительными нормами:

а) *светский произносительный вариант*, ориентированный на книжную норму, зафиксированную словарями;

б) *церковный произносительный вариант*.

Стоит отметить, что эта ситуация сосуществования двух дискурсов со своими произносительными нормами является временной, неустойчивой, преходящей. Можно предположить, что ситуация может развиваться по двум сценариям-вариантам:

Вариант первый: все большее обособление православного религиолекта, с развитием особого языка религиозной культуры. Ведь за последние почти два десятилетия произносительная церковная норма вышла за рамки языка профессиональной группы, трансформировавшись в религиозной православный социолект. Православный религиолект характеризуется развитием множества стилей, проявляющихся и в официальной, и в неофициальной коммуникациях. Исследователи фиксируют наличие развитого научно-богословского стиля, официально-делового, разговорного, литературного, и пр. [1, с.85].

Вариант второй: интеграция православного региолекта в общезыковой массив современного русского языка. Этот процесс будет происходить по мере возобновления, развития и расширения диалога между Церковью и государством, Церковью и обществом, по мере увеличения зон использования ЦЛ в общекультурном пространстве. И эта тенденция будет развиваться, продолжаться, вследствие увеличения веса Церкви в обществе.

Что же касается прогноза относительно возобладания той или иной произносительной традиции, то в первом варианте произойдет функциональное разделение на светский и клирический дискурс.

Во втором варианте возобладает, в большинстве случаев, церковная произносительная традиция. Но мы помним, что произносительная норма — это всегда результат рефлексии и консенсуса, поэтому спрогнозировать с точностью как будет произноситься то ли иное слово через 50 лет сложно, да, наверное, и не нужно. Гораздо интереснее быть включенным наблюдателем...

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX — на чале XXI века: монография. М.: Изд-во РГАУ — МСХА имени К.А.Тимирязева, 2008. С.33
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. С.4.
3. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет)// Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 68.
4. Прядко И.П. Церковная лексика в практике современных СМИ// http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_65
5. Скляревская Г.Н. Давайте говорить правильно! Лексика православной церковной культуры. СПб., 2005. С. 4
6. См.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/556365.html>
7. См.: <http://igpetr.livejournal.com/2683.html#cutid1>

⁶ Автор статьи неоднократно наблюдал ситуацию в храмах города, когда люди, не зная как правильно поставить падежное ударение в слове просфора, употребляли уменьшительно ласкательные формы: просфорки, просфорочки. Так они избегали возможной ошибки, обозначавшей их как неопитов, ибо неопит никогда не слышал, как изменяется по падежам и числам слово просфора.

⁷ Л.Пантелеев — Один из авторов (совместно с Г.Белых) "Республики Шкид". Л.Пантелеев — псевдоним писателя Алексея Ивановича Еремеева.